

The background of the cover is a photograph of two young women in a modern, dimly lit hallway with green walls and recessed ceiling lights. The woman in the foreground has long, wavy brown hair and blue eyes, wearing a bright red blazer. The woman in the background has her hair in a bun, wears glasses, and a grey t-shirt.

**МЫШКИНА.
ПЕРЕЗАГРУЗКА.**

Патьяна Дубинина

Татьяна Дубинина

Мышкина. Перезагрузка

«Автор»

2026

Дубинина Т.

Мышкина. Перезагрузка / Т. Дубинина — «Автор», 2026

— Что за пугало в моей приёмной? Мария Мышкина замерла с папкой в руках. Она не специально подслушивала. Дверь в кабинет бывшего директора осталась приоткрытой — на какие-то жалкие два сантиметра, — и низкий, уверенный голос нового босса сложно было не услышать. — Это Мария Мышкина, секретарь Смелова. — Голос помощника прозвучал тише, но в пустой приёмной было слышно каждое слово. — Проработала пять лет. Отлично справлялась со своими обязанностями. Алексей Петрович просил к ней присмотреться. — Пять лет? В компании по производству одежды? — Удивился Котов. — И почему она до сих пор так выглядит? — Это производство мужской одежды, Сергей Александрович. У Смелова, видимо, были не такие строгие требования к внешнему виду персонала как у вас. — Теперь это моя компания. Никакой серости и балахонов. Понял?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Дубинина

Мышкина. Перегрузка

Глава 1

— Что за пугало в моей приёмной?

Мария Мышкина замерла с папкой в руках. Она не специально подслушивала. Дверь в кабинет бывшего директора осталась приоткрытой — на какие-то жалкие два сантиметра, — и низкий, уверенный голос нового босса сложно было не услышать.

— Это Мария Мышкина, секретарь Смелова. — Голос помощника прозвучал тише, но в пустой приёмной было слышно каждое слово. — Проработала пять лет. Отлично справлялась со своими обязанностями. Алексей Петрович просил к ней присмотреться.

— Пять лет? В компании по производству одежды? — Удивился Котов. — И почему она до сих пор так выглядит?

— Это производство мужской одежды, Сергей Александрович. У Смелова, видимо, были не такие строгие требования к внешнему виду персонала как у вас.

— Теперь это моя компания. Никакой серости и балахонов. Понял?

Маша опустила взгляд на свой наряд. Мышиного цвета. Длинный рукав, закрытый ворот. Платье ниже колена, без единого намёка на талию. Она сама выбрала его утром — как и всегда. На автомате. Из единственного шкафа, где висели одинаковые вещи, купленные на распродаже.

— Фамилия ей подходит, — продолжал Котов, и в его голосе проскользнула издёвка. — Мышкина. Самая настоящая мышь. И цвет волос мышиный.

Маша невольно коснулась своего гладко зачёсанного пучка тёмно-русого цвета. Бабушка говорила: «Распущенные волосы — это беспорядок и признак дурного воспитания. Убери их, чтобы не лезли в лицо».

— Придётся терпеть её ещё полгода. Договор есть договор. Но как только срок истечёт — пусть катится на все четыре стороны. Мне нужен в приёмной презентабельный вид, а не это серое недоразумение.

Внутри Маши всё оборвалось. Она медленно опустилась на стул, всё ещё сжимая папку, и закрыла глаза.

Вот оно. Значит, как.

И в тот же миг память накрыла её с головой.

Пять лет назад.

— Вы кто по образованию? — спросил Алексей Петрович Смелов, глядя поверх очков.

Маша сидела напротив него в этом самом кабинете. Ей было всего девятнадцать. За плечами — три года колледжа на факультете «делопроизводства и документооборота», ни одного живого родственника, куча комплексов после двух лет в детском доме.

— Секретарь. Делопроизводитель. Я я умею быстро печатать, работать с документами, отвечать на звонки. — Она старалась не заикаться. — И ещё я хорошо играю на фортепиано.

— На фортепиано? — Алексей Петрович улыбнулся. — В моей приёмной нет рояля, девочка.

— Я просто к тому, что у меня хорошая память и дисциплина. — Маша покраснела. Бабушка всегда говорила, что хвастаться неприлично. Но это было не хвастовство, а отчаяние. Последнее собеседование. Если не возьмут здесь — придётся идти на склад или в уборщицы.

Она тогда выглядела так же, как сейчас: серое платье до колена, волосы в пучок, очки — толстые, некрасивые, дешёвые. Других не было. В приёмной сидели ещё три претендентки:

одна в красном платье с декольте, вторая с идеальной укладкой, третья — с огромным портфолио и рекомендациями.

Смелов посмотрел на них, потом на Машу.

— Мне нужен ответственный секретарь, который не будет строить глазки клиентам и опаздывать на работу. Вы справитесь?

— Да, — выдохнула Маша.

Она проработала у него пять лет. Пять лет, в течение которых Алексей Петрович стал для неё чем-то вроде доброго, немного ворчливого дедушки. Он никогда не повышал голос. По праздникам дарил подарочные сертификаты в книжный. А однажды, увидев, как она на обеденном перерыве рисует эскиз платья на салфетке, сказал:

— У тебя талант, Маша. Зря ты его прячешь.

Она тогда засмушалась и убрала салфетку в стол. Бабушка всегда говорила, что рисованием на жизнь не заработаешь, а приличная работа — единственный путь для девушки без приданого.

Бабушка

Маша открыла глаза и снова увидела пустую приёмную, холодный экран монитора и приоткрытую дверь в кабинет, откуда всё ещё доносился голос Котова — теперь он обсуждал какие-то финансовые показатели.

Она умерла, когда Маше было шестнадцать.

Запах больницы. Белые простыни. И её строгий голос за несколько дней до конца: *«Не плачь. Слёзы — это слабость. Ты должна быть сильной, Маша. Только дисциплина и порядок. Ты поняла?»*

Она поняла. Слишком хорошо поняла.

А потом был детский дом. Шестнадцать лет. Страшный возраст, чтобы остаться одной. Её определили туда, потому что больше не осталось родственников, родители погибли, когда ей было пять, их она почти не помнила.

Чужие стены, чужие лица, холодная каша по утрам и тихий ужас быть никому не нужной.

Конец ознакомительного фрагмента. Ознакомительный фрагмент является обязательным элементом каждой книги. Если книга бесплатна - то читатель его не увидит. Если книга платная, либо станет платной в будущем, то в данном месте читатель получит предложение оплатить доступ к остальному тексту. Выбирайте место для окончания ознакомительного фрагмента вдумчиво. Правильное позиционирование способно в разы увеличить количество продаж. Ищите точку наивысшего эмоционального накала. В англоязычной литературе такой прием называется Клиффхэнгер (англ. cliffhanger, букв. «висящий над обрывом») — идиома, означающая захватывающий сюжетный поворот с неопределённым исходом, задуманный так, чтобы зацепить читателя и заставить его волноваться в ожидании развязки. Например, в кульминационной битве злодей спихнул героя с обрыва, и тот висит, из последних сил цепляясь за край. «А-а-а, что же будет?»

В детском доме Маша почти ни с кем не общалась. Вместо этого она нашла старую гитару в актовом зале — расстроенную, с порванной струной — настроила и училась на ней играть по вечерам, после учёбы. А днём, в любое свободное время, рисовала, всё, что видела. Ветку за окном, лицо преподавателя, красивые платья на клочках бумаги.

Никто не знал о её талантах. Она не хотела, чтобы знали.

Училась Маша хорошо и у неё получилось поступить в колледж на бюджет. Два года пролетели как один миг: лекции, библиотека, подработка в кофейне рядом с домом. И наконец — собеседование у Смелова.

Пять лет спокойной, тихой жизни.

А теперь вот — этот.

Маша подняла голову и услышала, как Котов сказал помощнику:

— Кофе. И пусть она подаст. Посмотрим, на что способна эта мышка.

Шаги приблизились к двери.

Маша быстро встала, поправила очки и подхватила папку с входящими документами.

Дверь распахнулась. Котов вышел, даже не взглянув на неё.

— Кофе, — бросил он через плечо. — Американо, двойной, без сахара. Живо.

И ушёл обратно в кабинет, оставив дверь открытой.

Маша медленно положила папку на стол.

Внутри у неё всё кипело. Не от обиды — обиду она научилась глотать ещё в детдоме. А от запретного, неправильного чувства, которое бабушка назвала бы «гордыней».

«Пугало. Серая мышь. Серое недоразумение».

Она подошла к кофемашине, достала чашку и застыла.

В тёмном глянце кофейного автомата она увидела своё отражение. Серое платье. Серый пучок. Серые очки.

И вдруг ей стало смешно.

Нет, не смешно. А страшно. Она и правда стала похожа на мышь.

— Американо, двойной, без сахара, — прошептала Маша, нажимая кнопку.

Чёрный, как её мысли, кофе закапал в чашку.

А потом она посмотрела прямо на открытую дверь кабинета и тихо, едва слышно, сказала в пустоту:

— Вы даже не представляете, Сергей Александрович, кто сидит в вашей приёмной.

Кофе был готов. Маша взяла чашку, постучала в дверь — ровно два раза, как делала раньше, — и вошла.

Котов сидел за столом, просматривал бумаги. И даже не поднял головы.

— Поставьте, — бросил он.

Она поставила чашку на стол. Аккуратно, не пролив ни капли.

— Выйдите.

Маша вышла. Закрыла дверь плотно, до щелчка.

Села на своё место. Открыла ежедневник и посмотрела на страницу, где, ещё при Смерлове, рисовала маленькие эскизы.

Перевернула страницу, взяла ручку и на чистом листе написала:

Полгода

А под надписью — едва заметный набросок. Мужской профиль. Острые скулы. Тяжёлый подбородок.

Когда поняла, кого нарисовала — быстро захлопнула ежедневник.

Глава 2

Сергей Александрович Котов откинулся в кресле и позволил себе лёгкую, довольную улыбку.

Сделка закрыта.

Он сделал глоток кофе.

Вкусный. Чёрт возьми, очень вкусный. Даже слишком. Сергей ожидал, что эта мышь нальёт ему жижи из автомата, но кофе оказался свежесваренным, с идеальной пенкой, без единой горчинки. Будто кто-то знал его привычки лучше, чем он сам.

Неважно, — отрезал он мысленно. — Кофе — не главное.

Главное — сделка состоялась. Он купил производство мужской одежды «Шторм» за смешные деньги. Смелов был слишком стар, чтобы торговаться, и слишком честен, чтобы искать другого покупателя. Котов пришёл, посмотрел цифры, усмехнулся и назвал цену на десять процентов ниже рыночной. Смелов согласился. Правда, в последний момент вставил в договор пункт, от которого у Сергея до сих пор дёргался глаз.

Пункт 14.3: Покупатель обязуется в течение шести месяцев с даты подписания договора не увольнять сотрудников Продавца, за исключением случаев грубого нарушения трудовой дисциплины. Покупатель обязуется ознакомиться с каждым сотрудником и, в случае профессионального несоответствия, предоставить сотруднику разумный срок (не менее одного месяца) для поиска новой работы.

— Это ещё зачем? — спросил тогда Котов, едва сдерживая раздражение.

— Некоторые сотрудники больше двадцати лет на меня работали, Сергей Александрович, — ответил Смелов спокойно. — У них семьи, дети. Я не хочу, чтобы вы пришли и вышвырнули их на улицу за одну неделю. Присмотритесь. Может, они вам понравятся.

— А если нет?

— Тогда дайте им шанс найти что-то другое. По-человечески.

Котов тогда скрипнул зубами, но согласился. Сделка того стоила. А шесть месяцев — не такой большой срок. Он потерпит. Посмотрит на этих «семейных» сотрудников. Кого-то, возможно, оставит — если они не идиоты. А остальных остальных сплавит с чистой совестью.

Но одно дело — терпеть бухгалтера с тройным подбородком или ворчливого логиста. И совсем другое — то недоразумение, что сидит сейчас в его приёмной.

Сергей повернулся в кресле и посмотрел на закрытую дверь. За ней, в трёх метрах, находилась Мария Мышкина. Серое платье до колен. Волосы, стянутые в такой тугий пучок, что кожа на лбу натянута. Очки в толстой оправе, которые делали её похожей на строгую училку из провинциальной школы.

«Пугало», — повторил он про себя. — Хотя нет, пугала хоть яркие, чтобы птиц отпугивать. А это серая тень.

Он представил, как в понедельник в кабинет войдёт его партнёр из Милана, Марко Бьянки. Итальянец, который привык к красоте во всём: в одежде, в интерьере, в женщинах. Марко увидит эту Мышкину и решит, что Котов разорился и нанял секретаршу по объявлению «питание и жильё предоставляется».

— Краснеть за неё придётся, — пробормотал Сергей вслух.

И тут же его осенила другая мысль.

С одной стороны — позор. С другой

Леночка. Вернее, Елена Витальевна Соболева, его нынешняя нет, «пассия» — слишком мягкое слово. «Фурия» — точнее. Модель, двадцати трёх лет, рост сто семьдесят пять, ноги от ушей и характер африканской ядовитой змеи. Она ревновала его к каждой юбке. В прошлом месяце закатила скандал в ресторане, потому что официантка слишком долго на него смотрела.

А если бы он нанял нормальную секретаршу — красивую, ухоженную, с большой грудью и глубоким декольте, — Леночка устроила бы здесь филиал ада.

Но Мышкина

Мышкину даже Леночка не заметит. Заметить её сложно. Сливается с серым интерьером приёмной.

— А это преимущество, — сказал Котов сам себе и допил кофе.

Он поставил пустую чашку на стол и взглянул на стопку документов, оставленных помощником. Отчёты по производству, спецификации тканей, каталоги прошлых коллекций мужской одежды. Всё это нужно было изучить, вникнуть, разобраться.

Сергей не купил бы бизнес, в котором ничего не смыслил. Он отлично знал, как устроено производство женской и детской одежды. Но мужская — это другой мир. Другие лекала, другие ткани, другая психология покупателя. Мужчина не покупает одежду каждый сезон. Мужчина покупает статус, качество, удобство. И если Котов хотел сделать из «Шторма» империю, ему придётся понять, почему старик Смелов так долго держался на плаву с такой унылой командой.

И с такой секретаршей.

Он потянулся к телефону, набрал номер помощника.

— Игорь, зайди.

Через минуту помощник — молодой, шустрый, в идеально отглаженном костюме — появился на пороге.

— Слушаю, Сергей Александрович.

— Во-первых, собери всех сотрудников завтра в девять утра. Общее собрание.

— Есть.

— Во-вторых, разработай и распечатай приказ о дресс-коде. Для всех. С сегодняшнего дня. Никаких джинсов, свитеров, балахонов, бесформенных платьев. Женщины — строгий костюм или платье, но не ниже колена на пять сантиметров. Каблук — минимум четыре сантиметра. Волосы убраны или уложены, только не в пучок «колхозница». Макияж — естественный, дневной, но обязательный.

— Понял, — Игорь кивнул и уже повернулся к выходу, но Котов остановил его.

— И ещё, Игорь.

— Да?

— Принесите мне досье на всех сотрудников. Особенно на старую гвардию. Хочу знать, кто есть кто. И кто сколько получает.

— Будет сделано.

Игорь вышел. Котов остался один.

Он отодвинул пустую чашку и взял первый отчёт.

Через час, когда он уже начал забывать о существовании секретарши, дверь кабинета тихонько скрипнула.

Вошла Мышкина.

Она спокойно подошла к столу, положила свежую папку с входящими документами на край, а затем протянула руку к пустой кофейной чашке.

Сергей поднял голову, ожидая, что она так же молча удалится. Но она не ушла.

Мария Мышкина стояла перед его столом, держа чашку в руках, и смотрела прямо на него. Сквозь толстые стёкла очков её глаза казались больше, чем были. И в них не было ни страха, ни подобострастия.

— Сергей Александрович, — сказала она тихо, но чётко. — Можно спросить?

Котов удивлённо приподнял бровь. Обычно секретарши не задают вопросов. Они кивают, исчезают и выполняют.

— Спрашивайте, — разрешил он.

— Вам понравился кофе?

Сергей моргнул. Из всех возможных вопросов этот был самым неожиданным.

— Понравился, — ответил он после паузы. И, не удержавшись, добавил с лёгкой усмешкой: — В отличие от вашего вида, кофе оказался отменным.

Он ожидал, что она опустит глаза. Покраснеет. Замнётся. Может быть, даже расплчется. Так повели бы себя многие женщины, услышав подобное замечание.

Но Мария Мышкина не отвела взгляда.

Она смотрела на него в упор. Строго. Холодно. Так смотрит учительница на провинившегося ученика, который снова пришёл без домашнего задания.

И сказала:

— Знаете, Сергей Александрович, кое-кто здесь слишком быстро делает выводы. — Её голос не дрогнул. — А это — показатель непрофессионализма.

Сергей замер.

Челюсть непроизвольно отвисла. Он не нашёлся с ответом. Во рту пересохло.

А Мария Мышкина — это серое пугало, эта мышь, это недоразумение — медленно развернулась и направилась к выходу.

Шла с гордо поднятой головой. С прямой спиной. Так, будто не она выходила из кабинета в бабушкином платье, а королева покидала тронный зал после удачной интриги.

Дверь за ней закрылась без звука.

Сергей сидел в кресле бывшего владельца и смотрел на закрытую дверь. Впервые за много лет кто-то застал его врасплох.

— Что — начал он и замолчал.

Он тряхнул головой, пытаясь понять, что только что произошло. Эта женщина — скромная, незаметная, серая — только что назвала его *непрофессионалом*. Ему. Котову. Человеку, который построил свою империю с нуля.

Сергей медленно выдохнул и откинулся на спинку кресла.

— Ну, Мышкина, — сказал он в пустоту, и в его голосе проскользнуло что-то новое. Что-то похожее на уважение. Или на интерес. — Посмотрим, кто из нас быстрее делает выводы.

Он взял ручку и открыл отчёт, но цифры больше не имели значения.

Перед глазами всё ещё стояли её глаза. Упрямые. Гордые. Совершенно невыносимые для серой мыши.

Полгода, — подумал Котов. — Может, это будет не так скучно, как я думал.

А в приёмной Маша села на свой стул, сняла очки и вытерла вспотевшие стёкла дрожащими руками.

— Господи, что я сделала, — прошептала она. — Он меня уволит.

Но губы её при этом предательски растянулись в улыбке.

Глава 3

Следующее утро началось с гула.

Мария ещё на входе почувствовала, что атмосфера в компании «Шторм» изменилась. Обычно тихие коридоры, где сотрудники передвигались с усталым достоинством людей, работающих на одном месте по двадцать лет, теперь гудели как растревоженный улей.

— Вы видели этот приказ? — раздавалось из открытой двери бухгалтерии.

— Каблуки? Ему бы самому на каблуках за машинкой посидеть!

— Я вообще только по цеху хожу, у меня ткань везде, какой макияж?

Маша остановилась у стола секретаря производственного отдела.

— Вера Степановна, что случилось?

— Что случилось? — Вера Степановна трясла распечаткой. — А то, что наш новый плейбой решил устроить из нас модельное агентство. Читай!

Маша взяла лист. Вверху жирным шрифтом: «Приказ 1 о введении корпоративного дресс-кода». Пункты: «Женщинам — строгий костюм или платье не ниже 5 см от колена. Каблук — не менее 4 см. Волосы убраны или уложены. Макияж — естественный, дневной, обязательный».

— Это для офисных сотрудников, — прочитала Маша ниже мелким шрифтом приписку. — Для производственных — уточнение

— Какое уточнение? — Вера Степановна ткнула пальцем. — Там написано: «рекомендовано соблюдать». А наш начальник цеха, этот старый хрыч, сказал: «Раз рекомендовано — значит, обязательно». И теперь девки за машинками должны на шпильках стоять? Это издевательство!

Маша вздохнула. Она знала, почему это всё началось. Из-за неё. Из-за её непрезентабельного вида. Котов увидел её и решил, что весь офис выглядит так же. И теперь страдают невинные люди.

Она вошла в приёмную, села за стол и уставилась на закрытую дверь кабинета. Там, за дубовым шпоном, сидел человек, который одним приказом перевернул жизнь всего коллектива.

Надо поговорить с ним.

Мысль была безумной. После вчерашней дерзости («показатель непрофессионализма» — Господи, как она посмела такое сказать?) он мог просто вышвырнуть её вон. Но другие женщины не должны страдать из-за неё.

Маша встала, поправила очки и направилась к двери кабинета.

Она постучала — два раза, как всегда. И, не дожидаясь ответа, толкнула дверь и зашла.

За пять лет работы у Смелова она привыкла: стучишь — заходишь. Алексей Петрович обычно говорил: «Нечего церемонии разводить, Маша, входи уже».

Она вошла.

И застыла на месте.

Её босс стоял, прислонившись к столу. А перед ним, обвив его шею руками, стояла женщина. Высокая, длинноногая, в коротком красном платье. Её идеальные волосы цвета воронова крыла рассыпались по плечам.

Они страстно целовались.

И рука Котова — его правая рука — лежала на груди этой женщины. Спокойно, уверенно, как будто это было самое естественное место для руки в девять утра вторника.

Маша почувствовала, как кровь прилила к лицу. Жар поднялся от шеи к щекам, к кончикам ушей. Она открыла рот, резко вдохнула, но звука не получилось.

— Ой — выдохнула она наконец. — Извините!

Она выскочила за дверь, захлопнув её за собой. Прислонилась спиной к стене и прижала ладони к пылающим щекам.

Что я видела? Что я только что видела?

В голове пульсировала одна картинка: его рука. И её грудь. И поцелуй — влажный, жадный, не предназначенный для чужих глаз.

— Господи, — прошептала Маша. — Господи-господи-господи. Меня точно уволят.

Она села на свой стул, схватила какую-то бумажку и начала нервно обмахиваться.

Прошло, наверное, минуты три. Или пять. Маша потеряла счёт времени.

Дверь кабинета распахнулась.

Женщина в красном выплыла в приёмную. Она поправляла причёску и улыбалась довольной, сытой улыбкой кошки, которая только что съела канарейку.

Увидев Машу, она остановилась. Окинула её взглядом — от чёрных туфель без каблука до пучка на голове — и усмехнулась.

— О, — протянула она с придыханием. — Что милочка, насмотрелась?

Маша подняла голову, всё ещё красная.

— Тебе такое может только сниться, — продолжала она, поправляя браслет. — Могла бы постоять ещё. Бесплатный театр, так сказать. Где ещё ты такое увидишь.

Внутри у Маши натянулась та самая струна, которая вчера заставила её сказать Котову про непрофессионализм.

Она медленно поднялась со стула, посмотрела на Елену поверх очков и сказала ледяным голосом — голосом, которому её научил детский дом, когда надо было поставить на место задиру:

— Знаете, я в театры, на низкопробные представления, не хожу. Особенно на те, где играют второсортные актрисы. Слишком много фальши.

Елена замерла. Её рот приоткрылся.

— Что ты сказала? — переспросила она, не веря своим ушам.

— До свидания, — Маша кивнула на дверь. — У вас помада размазалась. Слева.

Елена схватилась за губу, злобно сверкнула глазами и вылетела вон, громко цокая каблуками.

Маша выдохнула и рухнула на стул.

— Ну всё, — прошептала она. — Теперь точно всё.

Не успела она прийти в себя, как из кабинета раздался голос Котова:

— Мышкина! Зайдите.

Голос был железный, не терпящий возражений.

Маша встала, одёрнула платье и вошла.

Котов сидел за столом. Воротник рубашки расстёгнут, галстук съехал набок. Но глаза — холодные, серые, как зимнее море.

— Вы, — сказал он, выделяя каждое слово, — будете входить в этот кабинет только после того, как я скажу вам — «Войдите». Понятно?

— Понятно, — ответила Маша. — Простите. Я по привычке Алексей Петрович разрешал

— Алексей Петрович на пенсии. Теперь я здесь. — Котов поправил галстук. — Что вы хотели?

Маша сделала глубокий вдох.

— Я хотела поговорить о дресс-коде, Сергей Александрович.

— О дресс-коде? — Он усмехнулся. — Что именно вас не устраивает? Длина юбки?

— Не меня. — Маша подняла голову. — Женщин на производстве. Они шьют, они сидят за машинками, работают с тканью. Каблуки им ни к чему. И макияж... зачем макияж в цеху, где пыль от ткани?

Котов смотрел на неё, не перебивая.

— Я понимаю, — продолжила Маша, набирая смелость, — что вы ввели дресс-код из-за меня. Из-за того, как я выгляжу. Но из-за моего вида не должны страдать другие люди. Отмените эти правила для женщин на производстве. Пожалуйста.

Наступила тишина.

Котов медленно откинулся в кресле. В его глазах промелькнуло удивление? Маша не могла разобрать.

— Во-первых, — сказал он после паузы, — я не совсем придурок, Мышкина, что бы вы там себе не думали. Я понимаю, что за машинкой на каблуках не наработаешься.

Маша моргнула.

— В приказе, — продолжал Котов, — чёрным по белому написано: «для сотрудников, работающих непосредственно с клиентами и находящихся на виду». Для производственного персонала — рекомендации, а не обязательства. Ваш начальник цеха, видимо, решил перестраховаться. Это его проблемы. Я сегодня спущусь и объясню ему, где рекомендации, а где приказ.

Маша молчала. Ей стало стыдно.

— А во-вторых, — Котов усмехнулся, — дресс-код введён не из-за вас одной, Мышкина. Не обольщайтесь. Я посмотрел на весь коллектив вчера. У вас не только секретарша серая, у вас бухгалтер в свитере с оленями, а начальник склада в старой, растянутой футболке. Так что не принимайте на свой счёт.

— Извините, — сказала Маша тихо. — Я не видела приказ. Мне Игорь Владимирович не показывал. Я передам сотрудницам, что на производстве каблуки не обязательны.

— Передайте.

Повисла пауза. Маша не уходила.

— Что ещё? — спросил Котов.

— Мне — Маша замялась. — Мне нужно время, чтобы купить новый гардероб. У меня нет ничего подходящего под ваш дресс-код. И придётся научиться ходить на каблуках. Я никогда не носила.

Котов вытаращил глаза. Впервые с начала разговора его невозмутимость дала трещину.

— Никогда? — переспросил он. — В смысле — никогда?

— Никогда, — подтвердила Маша.

— Где вы жили, в лесу? Как в наше время можно не уметь ходить на каблуках?

Это было уже слишком. Вчера — «пугало». Сегодня — «жила в лесу». Маша почувствовала, как внутри закипает злость.

Она посмотрела ему прямо в глаза и сказала ледяным тоном:

— Моя жизнь, Сергей Александрович, не ваше дело.

Котов открыл рот, чтобы ответить — но не успел.

Маша развернулась, чувствуя, как её щёки заливаются краской от собственной смелости, и быстрым шагом вышла из кабинета.

Дверь за ней громко закрылась.

Она села за свой стол, сняла очки и закрыла лицо руками.

— Что я творю, — простонала она. — Что я творю

Из-за двери кабинета не доносилось ни звука.

Но если бы Маша умела читать чужие мысли, она бы услышала, как Сергей Александрович Котов сидит в кресле и смотрит на закрытую дверь с выражением, которое он сам не смог бы описать.

Он потянулся к телефону и набрал номер помощника.

— Игорь, — сказал он. — Найдите мне список магазинов, где продаётся офисная одежда. И запишите Мышкину на завтра к стилисту. Да, я серьёзно. И пусть кто-нибудь научит её ходить на каблуках. А то мы тут все с ума сойдём.

Он положил трубку и усмехнулся.

— Личная жизнь не моё дело, — повторил он её слова. — Интересно, Мышкина, а чьё же тогда?

Глава 4

Вечер уже опускался на город, когда дверь кабинета Котова снова открылась.

— Мышкина, зайдите.

Маша подняла голову от монитора. Уже полчаса она делала вид, что проверяет почту, хотя на самом деле всё ещё прокручивала в голове сцену с Еленой. И свои слова. *«Второсортные актрисы»*. Господи, откуда в ней это взялось?

Она вошла в кабинет, на этот раз выждав долю секунды после его «войдите». Урок усвоен.

Котов сидел за столом, уже застегнутый и при галстукe. Перед ним лежал раскрытый ежедневник.

— Садитесь, — кивнул он на стул.

Маша села на самый край, держа спину прямой.

— Я тут подумал, — начал Котов, крутя ручку в пальцах. — Вы сказали, что у вас нет подходящей одежды и вы не умеете ходить на каблуках.

— Я справлюсь сама, — быстро сказала Маша.

— Не сомневаюсь. Но время — деньги. А я не могу ждать, пока вы методом проб и ошибок научитесь отличать туфли от босоножек. — Он открыл ежедневник. — Я записал вас к стилисту. Завтра в одиннадцать. Моя старая знакомая. Она работает с топ-менеджерами наших компаний, лучшая в городе. Она подберёт вам гардероб и заодно покажет, как ходить на каблуках. Несколько занятий — и будете как человек.

Маша почувствовала, как внутри опять закипает злость.

«Лучшая в городе». «Покажет, как ходить на каблуках». «Как человек».

Она сжала кулаки, но лицо осталось непроницаемым. Бабушкина школа.

— Сергей Александрович, — сказала она ровным голосом, — я ценю вашу заботу. Но я справлюсь сама. Со своим гардеробом. И с каблуками тоже.

Котов приподнял бровь.

— Вы уверены? Мышкина, я видел ваш сегодняшний вид. И вчерашний. И позавчерашний, судя по фотографии в личном деле. Это не вопрос «справлюсь — не справлюсь». Это вопрос репутации компании.

— Я понимаю, — Маша поднялась. — И я решу этот вопрос. Без посторонней помощи.

Она развернулась и вышла, не дожидаясь разрешения.

Котов остался сидеть с ручкой в руке и смотрел ей вслед.

— Упрямая, как осёл, — пробормотал он. Но в голосе не было злости. Скорее, недоумение.

Улица встретила Машу прохладным ветром и запахом выхлопных газов. Она шла быстрым шагом, сжимая сумку, и чувствовала, как внутри всё кипит.

Самоуверенный индюк. Старая знакомая. Лучшая в городе.

— Нашёл дуру! — вырвалось у неё вслух. Прохожий в пальто обернулся, но Маше было всё равно.

Она свернула в переулок, достала телефон и открыла приложение с вакансиями.

«Требуется секретарь. Оклад — 50 000. Опыт — приветствуется».

«Помощник руководителя. З/п от 70 000. Знание английского — обязательно».

«Секретарь-референт. Требования: возраст до 30, приятная внешность...»

Маша убрала телефон.

— Нет, — сказала она себе твёрдо. — Не сейчас. Сначала я докажу этому этому что у меня есть вкус.

Она вдруг остановилась посреди улицы, и её осенило.

А ведь она всегда мечтала красиво одеваться.

В детстве — тайком рассматривала журналы в библиотеке. В юности — рисовала эскизы платьев на оборотах тетрадей. В колледже — завидовала девушкам, которые могли позволить себе купить модную вещь, пока она донашивала кофты, которые покупала ей бабушка пока была жива.

«Скромность украшает девушку», — звучал в голове бабушкин голос. — «Приличные люди не выставляют себя напоказ. Короткие юбки — для тех, кому больше нечем привлечь внимание».

Маша горько усмехнулась. Бабушка умерла восемь лет назад. А бабушкины голоса — целый хор — продолжали звучать в голове.

«Приличная девушка не красится. Ты должна быть скромной, Маша.»

И вот теперь появился этот Котов с этим своим дресс-кодом. И приказал ей — приказал! — сменить гардероб. Научиться ходить на каблуках.

И странное дело — видимо ей требовался такой мотивирующий пинок. Он стал самой лучшей таблеткой от старых комплексов.

— Спасибо, Сергей Александрович, — прошептала Маша, подходя к своему подъезду. — Сами того не зная, вы приказали мне делать то, что я всегда хотела, но боялась.

Старая, но уютная бабушкина квартира, встретила её привычной тишиной. Маша бросила сумку на стул и прошла в спальню. Там, под кроватью, в картонной папке лежало её сокровище.

Она вытащила папку, села на пол и открыла.

Эскизы.

Десятки, сотни эскизов, которые она рисовала последние годы. Ночью, после работы. В выходные. В обеденные перерывы, когда Алексей Петрович уходил на долгие совещания.

Листы ватмана, тетрадные листы в клетку, салфетки из кофейни — всё, что попадало под руку, превращалось в рисунок.

Маша перебирала их дрожащими руками.

Вот платье-футляр кораллового цвета — глубокое декольте, открытая спина. Она нарисовала его три года назад, глядя на красивый закат. И подписала карандашом: *«Если когда-нибудь осмелюсь».*

Вот брючный костюм цвета слоновой кости — широкие брюки, жакет с асимметричной застёжкой. Вот юбка-карандаш с завышенной талией и шёлковая блуза с бантом.

А вот вечернее платье цвета ночного неба — с открытыми плечами, расшитое мелкими стразами, похожими на звёзды.

Маша провела пальцами по рисунку и закрыла глаза.

Она знала, какая у неё фигура. В детском доме, когда мылись в общей душевой, девчонки иногда ей завидовали. Но тогда она не придавала значения. А сейчас — сейчас она вдруг увидела себя со стороны.

Рост сто шестьдесят два. Не модельный, да. Но талия — тонкая, осиная. Бёдра — широкие, женственные. Грудь гораздо больше, чем у тех же моделей. Классические песочные часы, которые прятались годами под бесформенными балахонами.

— Господи, — прошептала Маша, поворачиваясь перед зеркалом. — Зачем я это прятала?

Она провела ладонью по талии, по бёдрам. Кожа была бледной, давно не видела солнца. Но это поправимо.

Она вернулась к эскизам и пересмотрела их ещё раз. Потом достала карандаш и на чистом листе быстро набросала новый. Костюм. Тёмно-синий, почти чёрный. Юбка-карандаш ниже колена — строго, но сексуально. Жакет с открытым вырезом. И туфли — лодочки на шпильке. Классика.

Она встала, подошла к единственному в комнате старому зеркалу и посмотрела на себя. Серое платье. Пучок.

Она сняла очки. Вгляделась в своё отражение. Без очков лицо казалось моложе, мягче. Большие, серо-голубые глаза, с длинными ресницами — не были «мышинными». Они были удивительные. Просто никто этого не видел.

Никто, включая меня.

— Людмила Ивановна, — вспомнила она. — Точно!

Людмила Ивановна работала на производстве закройщицей. Пять лет назад она первой подошла к Маше, новой секретарше, и сказала: «Деточка, ты чего такая грустная? Пошли чай пить». С тех пор они дружили. Людмила Ивановна знала о любви Маши к рисованию, про её эскизы. И несколько раз предлагала:

— Приноси, Маш. Я тебе сошью всё, что хочешь. У нас же море ткани, обрезки остаются. Да и девочки в цеху помогут, они тебя любят.

Маша всегда отказывала. Стыдилась. Боялась.

Но сейчас

Она взяла телефон, набрала номер.

— Людмила Ивановна? Здравствуйте. Это Маша. — Голос дрожал, но она продолжала. — У меня к вам просьба. Помните, вы говорили, что можете сшить мне что-нибудь по моим эскизам?

— Ой, Машенька, наконец-то! — голос в трубке зазвенел от радости. — А то я уж думала, ты так и будешь всю жизнь в своих мешках ходить. Когда принесёшь?

— Завтра. — Маша перебирала эскизы. — Утром. Мне нужно много. И быстро. Вы сможете?

— А то нет! Мы своих не бросаем. Приноси, девочки помогут. У нас бригада — золотые руки, — они тебе за неделю гардероб сошьют — закачаешься.

— Спасибо, — выдохнула Маша. — Огромное спасибо.

Она положила трубку и посмотрела на разложенные на полу эскизы.

Столько лет мечтаний, страха. И один самоуверенный дурак, своим приказом случайно разбил вдребезги все, глубоко засевшие, бабушкины запреты.

— Ну что ж, Сергей Александрович, — сказала Маша, бережно складывая листы в папку. — Вы хотели, чтобы я выглядела как эффектная секретарша. Вы даже не представляете, кого вы разбудили.

Она легла спать с улыбкой. Впервые за много лет ей не терпелось надеть что-то красивое.

И пусть мир рушится. И пусть этот самовлюблённый индюк её уволит через полгода. Но эти полгода она проведёт так, чтобы запомнить на всю жизнь.

Маша закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений.

Глава 5

В центре города, в квартире с панорамными окнами, Сергей Котов стоял с бокалом виски и думал о том, почему эта серая мышь так упрямо отказывается от помощи.

— Идиотка, — пробормотал он. — Гордая идиотка.

И почему-то это его одновременно бесило и восхищало.

Дурацкая секретарша застряла в голове, как заноза. Её голос, когда она сказала «моя личная жизнь не ваше дело». Её глаза за толстыми стёклами — огромные, серые, с каким-то странным огнём. Её прямая спина, когда она выходила из кабинета, гордо подняв голову.

Он сбросил пиджак на диван, ослабил галстук и направился к бару. Налил виски, сделал глоток.

В дверь позвонили.

Сергей не удивился. Лена имела привычку приезжать без предупреждения — она считала, что «сюрпризы украшают отношения».

Он открыл дверь.

— Серёжа! — Лена бросилась ему на шею, обдав волной дорогих духов. — Я так соскучилась!

Она была прекрасна. Чёрное платье, открывающее плечи. Идеальный макияж. Идеальная укладка. Идеальная подиумная улыбка.

— Привет, — сказал Сергей, закрывая дверь.

Лена не стала ждать. Она прижалась к нему, обвила руками шею и поцеловала — жадно, с напором. Её язык скользнул между его губ, пальцы погрузились в его густые волосы.

Сергей ответил на поцелуй. Тело делало своё дело — привычно, автоматически. Руки легли на её талию, скользнули ниже. Лена громко, театрально застонала.

— Пойдём в спальню, — прошептала она, отрываясь от его губ.

Он позволил увести себя.

Они раздевались на ходу, срывая друг с друга одежду, целовались, врезались в мебель. Лена звонко, наигранно смеялась. Сергей не смеялся. Ему было скучно? Нет, не скучно. Обыденно. Шаблонно.

Они вошли в спальню. Лена толкнула его на кровать, сама нависла сверху, расстёгивая его рубашку. Сергей смотрел в потолок, а потом закрыл глаза.

И в тот самый момент, как Лена прильнула к его губам, он увидел перед собой большие серые глаза, которые смотрели на него в упор сегодня в кабинете. Спокойные. Упрямые. С вызовом.

Сергей резко открыл глаза.

— Что-то не так? — спросила Лена, замирая.

— Всё нормально, — соврал он и перевернул её, беря инициативу в свои руки.

Лена под ним извивалась, стонала, шептала его имя. Всё, как обычно.

Но через минуту он снова закрыл глаза...

Опять она. Теперь не только глаза. А вся Мышкина. Стоит у двери в приёмной, смотрит прямо на него, с лёгкой, едва заметной усмешкой на губах. Как будто она понимает что-то, что ему недоступно.

— Чёрт, — выдохнул Сергей.

— Что? — Лена напряглась.

— Ничего. Я сказал — хорошо.

Он сжал зубы и продолжил. Но образ не уходил. Мария Мышкина в своём сером платье, с дурацкими очками, с этим дурацким пучком. Мария, которая назвала его непрофессионалом и отказалась от помощи.

«Почему она не хочет, чтобы я ей помог? — подумал Сергей, механически двигаясь. — Любая другая на её месте ухватила бы за такую возможность. Новая одежда, стилист, всё за мой счёт. А она «я сама справлюсь». Гордая мышь».

Лена застонала особенно громко — финальный аккорд. Сергей открыл глаза, посмотрел на неё сверху вниз и вдруг осознал одну неприятную вещь, от которой ему стало тошно.

Она сыграла стон. Как актриса в дешёвом фильме.

Он откатился на спину, глядя в потолок.

Лена прижалась к нему сбоку, положила голову на плечо, провела пальцем по его груди.

— Ты сегодня какой-то отстранённый, — сказала она капризно. — Тебе не понравилось?

— Всё отлично, — ответил Сергей, и сам удивился, как фальшиво прозвучал его голос.

Они лежали в тишине. Сергей смотрел в потолок, а перед глазами всё ещё были серые глаза.

И тут его накрыло осознание.

Он понял, что его бесит в Лене.

Она слишком доступная. Слишком приторная. Слишком готовая.

Он не вспомнил ни одного момента, когда она сказала ему «нет». Ни одного раза, когда она возразила. Ни одной секунды, когда она посмотрела на него с вызовом, а не с обожанием.

Она выполняла все его желания. Даже не дожидаясь, пока он их озвучит. Ему не нужно было её завоёвывать — она сама предприняла все возможные действия по его захвату. Пришла, разделась, уложила в постель. И теперь лежит рядом, смотрит на него преданными глазами и ждёт комплимента.

И, чёрт возьми, как же это было скучно.

Сергей вдруг остро, физически ощутил, что Лена ему надоела. Не сегодня, не сейчас — давно. Просто он не замечал этого, потому что было удобно. Всегда рядом. Всегда готова. Никаких проблем.

Но удобно — не значит интересно.

— Серёж, — Лена прервала его размышления, поглаживая его плечо. — У меня к тебе предложение.

— Какое? — спросил он без энтузиазма.

— Давай на выходных съездим в торговый центр? Мне так нужно обновить гардероб, просто ужас. Нечего надеть. А у тебя такой хороший вкус, ты мне pomoжешь выбрать платье... и туфли.

Сергей повернул голову и посмотрел на неё.

Красивое лицо. Красивое тело. Красивые глаза — карие, с поволокой, но с огромной надписью в глубине — «Куни».

Он вдруг вспомнил Мышкину: «Я сама справлюсь».

Лена просила. Всегда просила. И он давал. Потому что не жалко. Ей не вкус его был нужен, а только кошелёк.

Он посмотрел на неё ещё раз и вдруг увидел то, чего раньше не замечал: красивую обёртку, внутри которой ничего нет.

— Лен, — сказал он, садясь на кровати. — У меня на выходных встреча. Скорее всего не получится.

— Но ты же обещал, говорил, что будешь свободен! — надула она губы.

— Говорил, но появились новые обстоятельства. Давай ближе к выходным это обсудим.

Она обиженно замолчала, потом вздохнула и натянула одеяло до подбородка.

Сергей встал, накинул халат и подошёл к окну. Город внизу сверкал огнями. Миллионы окон, миллионы жизней. И где-то там, в одной из этих крошечных клетушек, живёт Мария Мышкина. Он усмехнулся своим мыслям. О чём он вообще думает? О секретарше. О серой мыши. О девушке, которую он планировал уволить через полгода.

И не мог забыть её упрямых глаз.

— О чём задумался? — раздался голос Лены из постели.

— Ни о чём, — соврал он.

Он думал о том, почему одна женщина, у которой нет ничего, способна отказаться от помощи, а другая, у которой есть всё, только и делает, что просит.

Почему одни в состоянии выбрать себе гардероб — даже не имея денег, даже не умея ходить на каблуках — и не нуждаются в его помощи, хотя он готов помочь. А другим нужен его вкус и кошелёк.

Сергей взял телефон и посмотрел на фотографию Лены в списке контактов. Красивая

Он перевел взгляд на досье сотрудников, которое Игорь скинул ему на почту. Открыл страницу с фотографией Марии Мышкиной. Такая же серая блуза, тот же строгий пучок. Обычное лицо. Ничего особенного.

Но почему-то именно это лицо не выходило из головы.

— Серёж, иди ко мне, — позвала Лена капризно.

Он выключил телефон, вернулся в кровать и лёг на спину, глядя в потолок.

Лена прижалась к нему, что-то щебетала про завтрак, про маникюр, про новую сумку, которую видела у известной блогерши.

Сергей не слушал.

Он думал о том, что завтра утром, когда он войдёт в офис, в приёмной снова будет сидеть она. Серая мышь. Пугало. Недоразумение.

И он, кажется, с нетерпением ждал этого.

Идиотка, — подумал он снова. — Гордая идиотка.

Но на этот раз в его мыслях не было злости. Было что-то другое. Что-то, чему он пока не мог дать названия.

Глава 6

Пятничное утро началось для Маши с маленькой победы.

Она стояла перед зеркалом в ванной, сжимая в руках коробочку с линзами. Куплены они были два года назад, когда она поддалась минутной слабости — захотелось хоть раз в жизни посмотреть на мир без толстых стёкол. Но тогда она надела их пару раз, почувствовала сухость в глазах, сдалась и вернулась к очкам. «Очки удобнее», — сказала она себе. И спрятала коробочку в ящик.

Сегодня она достала её снова.

— Ты сможешь, — сказала Маша своему отражению. — Это же просто линзы. Миллионы людей их носят.

Пальцы слегка дрожали, но она справилась. Чик — и линза на месте. Второй глаз — чуть сложнее, но тоже получилось. Она моргнула несколько раз, привыкая к инородному телу. Мир стал чётким, без искажений по краям.

Маша посмотрела на себя в зеркало и замерла.

Без очков её лицо выглядело совсем иначе. Глаза теперь казались огромными. Ресницы, оказывается, у неё были длинные и густые. А ещё без оправы, которая вечно оставляла красные следы на переносице, лицо выглядело моложе и свежее.

— Ничего себе, — прошептала Маша.

Она улыбнулась своему отражению и почувствовала, как внутри разливается тепло. Маленькая победа. Очень маленькая. Но главное начать.

Из одежды — снова серое платье. Другого пока нет. Но сегодня она не корила себя за это. Скоро, совсем скоро, она наденет то, что нарисовала сама.

Маша собрала сумку, закинула туда папку с эскизами — десять лучших, отобранных вчера вечером — и вышла из дома.

Сначала она забежала на производство.

В цеху привычно пахло тканью и слышался мерный гул швейных машинок. Людмила Ивановна, невысокая, с пышными формами, идеальной стрижкой и маникюром, сидела за своим столом и пила чай из большой кружки, с надписью — «Лучшая бабушка».

— Машенька! — воскликнула она, увидев гостью. — А ты чего без очков-то?

— Линзы надела, — Маша смущённо улыбнулась. — Решила попробовать.

— И правильно! — Людмила Ивановна похлопала по стулу рядом. — Садись, садись. Давай, показывай свои сокровища.

Маша достала папку, выложила эскизы на стол. Людмила Ивановна склонилась над ними, и её лицо медленно преобразилось — из приветливо-усталого в восхищённое.

— Господи — протянула она, перебирая листы. — Маша, это ты нарисовала?

— Да.

— Это это же чертовски красиво! — Она подняла один эскиз — тёмно-синий костюм, который Маша набросала вчера. — Ты посмотри на линии! На посадку по фигуре! Ты же не училась на дизайнера?

— Не училась, — тихо сказала Маша. — Сама как-то.

— Талант, — твёрдо сказала Людмила Ивановна. — У тебя настоящий талант, девочка. И ты его столько лет прятала? В столе?

Маша опустила глаза.

— Бабушка говорила, что это баловство.

— Бабушка была дура, прости господи, — отрезала Людмила Ивановна. — Ладно, не будем о плохом. Давай снимать мерки.

Она достала сантиметровую ленту и защёлкала вокруг Маши, бормоча цифры.

— Грудь талия бёдра Ох, Маша, у тебя же фигура — загляденье! А ты её в свои мешки прячешь!

— Я знаю, — вздохнула Маша.

— Ну ничего, мы это исправим. — Людмила Ивановна записала последние цифры и посмотрела на эскизы. — Значит так. К понедельнику я сделаю выкройки на два платья — вот это и вот это. Вечером девочки посидят, сошьют. Ко вторнику у тебя уже будут готовые вещи.

— Людмила Ивановна, я вам заплачу

— Замолчи, — ласково сказала Людмила Ивановна. — Маша, тебя все здесь любят. Ты всем всегда помогаешь — и документы оформить, и письмо составить, и с начальством поговорить. А сама никогда ничего не просишь. Так что не спорь. Это наше тебе спасибо.

У Маши защипало в глазах. От линз. Точно от линз.

— Спасибо, — сказала она, сглатывая комок.

— Иди уже, — Людмила Ивановна легонько подтолкнула её к выходу. — А то опоздаешь к своему плейбою. Он же тебя съест.

Маша улыбнулась, поправила сумку и почти выбежала из цеха.

Она была счастлива. По-настоящему, впервые за много лет.

В офис она влетела, когда часы показывали 9:15.

Пятнадцать минут опоздания.

Маша быстро села за стол, включила компьютер и тут же услышала, как распахнулась дверь кабинета.

Котов стоял на пороге. Недовольный. С галстуком, завязанным немного криво и мечущими молнии глазами.

— Вы опоздали, Мышкина, — сказал он ледяным тоном.

— Простите, Сергей Александрович, — Маша вскочила. — Неотложные дела.

— Какие дела могут быть у секретарши в девять утра?

Она промолчала. Не объяснять же ему про эскизы и выкройки.

— Сварите кофе, — бросил он. — Американо, двойной, без сахара. И быстро.

Маша кивнула и направилась к кофемашине. Спина прямая, шаги уверенные.

Кофе закапал в чашку. Маша ждала, смотрела на чёрную струю и думала о том, что через несколько дней на ней будет платье мечты. И каблуки. И она

— Мышкина, — раздался голос уже ближе.

Она обернулась. Котов вышел из кабинета и стоял в двух метрах от неё, прислонившись к дверному косяку.

И вдруг он замолчал.

Просто замер. Смотрел на неё, и его лицо медленно менялось.

— Что? — спросила она, инстинктивно проводя рукой по лицу. — Что-то прилипло?

— Нет, — Котов моргнул и, кажется, с трудом взял себя в руки. — Ничего не прилипло.

Он помолчал ещё секунду. Потом медленно произнёс:

— Вам идёт. Без очков.

Маша замерла.

Комплимент. Он сказал ей комплимент. Этот самовлюблённый, наглый, невыносимый человек, который назвал её «пугалом» и «серым недоразумением», только что сказал «*вам идёт*».

Она почувствовала, как от шеи до самых корней волос, лицо заливают краской.

— Спасибо, — тихо ответила она и отвела взгляд.

Кофе был готов. Она взяла чашку, протянула ему. Их пальцы на секунду соприкоснулись.

Маша подняла глаза и посмотрела на него. Он был красив. Чёрт возьми, он был очень красив. И в его ледяных, серо-голубых глазах пробежало сейчас что-то тёплое. Или ей просто показалось?

Может быть, он не такой придурок, как кажется на первый взгляд? — промелькнуло у неё в голове.

Она тут же мысленно одёрнула себя. Ты знаешь, кто он. Ты слышала, что он говорил про тебя. Один комплимент ничего не меняет.

Но сердце уже пропустило удар. Или два.

Котов взял кофе, сделал глоток. Поморщился — кажется, она переборщила с пенкой. Но ничего не сказал.

— Слушайте, Мышкина, — произнёс он, возвращаясь к деловому тону. — Сегодня приедет мой бизнес-партнёр из Италии. Марко Бьянки. Он будет в одиннадцать. Как только появится — сразу проводите ко мне в кабинет. Без задержек.

— Поняла, — кивнула Маша.

— И ещё. — Котов посмотрел на неё поверх чашки. — Постарайтесь сегодня не ну, вы поняли.

— Не что? — переспросила она.

— Не пугать гостей, — усмехнулся он. Но в усмешке не было злости. Скорее, поддразнивание. — Держите себя в руках.

Маша хотела обидеться, но почему-то не смогла. Вместо обиды вырвался лёгкий смешок.

— Постараюсь, Сергей Александрович.

Он кивнул и скрылся в кабинете.

Маша села на своё место, положила руки на стол и уставилась в одну точку.

Она только что обменялась с ним почти дружеской шуткой. Он сделал ей комплимент. Её сердце колотилось так, будто она пробежала марафон.

— Это ничего не значит, — прошептала она. — Это просто рабочие отношения. Он твой начальник. Ты его секретарша. Через полгода вы никогда больше не увидите.

Маша открыла ежедневник и посмотрела на эскиз мужского профиля, который нарисовала накануне. Острые скулы. Тяжёлый подбородок.

Она быстро захлопнула ежедневник и уставилась в монитор.

— Работай, Мышкина, — сказала она себе строгим голосом. — Работай.

Но губы всё равно улыбались.

Глава 7

Ровно в одиннадцать часов дверь в приёмную распахнулась.

Марко Бьянки оказался совсем не таким, как она представляла. В её голове итальянский бизнес-партнёр рисовался пожилым синьором в дорогом костюме, с сединой на висках и пафосными жестами. Реальность оказалась куда приятнее.

Мужчина, вошедший в приёмную, был примерно ровесником Котова, лет тридцать - тридцать пять, но выглядел моложе. Тёмные, чуть выющиеся волосы, карие глаза с искоркой, лёгкая небритость и улыбка, которая, казалось, говорила: «Я знаю о тебе всё, но ничего плохого не скажу». Одет он был в идеально сидящий серый костюм, без галстука, с расстёгнутой верхней пуговицей.

— Доброе утро, синьорина, — сказал он с лёгким акцентом, который делал его голос музыкальным. — Я к Сергею Александровичу.

— Доброе утро, — Маша улыбнулась и встала. — Проходите, пожалуйста. Я провожу.

Она открыла дверь кабинета, пропустила Марко внутрь и закрыла за ним дверь. Плотно. Теперь всегда так делала после того инцидента с Еленой.

— Серджо! — раздался из-за двери радостный возглас. — Ну наконец-то! Ты совсем пропал, старый чёрт!

Маша невольно улыбнулась. «Серджо». Итальянское имя звучало для Котова как-то по-человечески, что ли.

Она вернулась на своё место и попыталась заняться делами, но голоса за дверью были слишком громкими. Не то чтобы она подслушивала. Просто уши сами ловили обрывки разговора.

— Ткани я привёз, образцы смотри, — говорил Марко. — Цены тебя приятно удивят. Твои конкуренты предлагали больше, но я сказал: «Нет, ребята, Серджо мой друг и надёжный партнёр».

— Сколько ты с меня содрал за этот альтруизм? — усмехнулся Котов.

— Обижаешь. Только наценка на самолёт и шампанское для моей мамы.

Они засмеялись. Маша представила, как они пьют что-то крепкое — хотя только час дня.

А потом разговор свернул не туда, куда следовало.

— Слушай, Серджо, — голос Марко стал тише, но не настолько, чтобы Маша не услышала. — А что за милая мышка сидит у тебя в приёмной?

У Маши перехватило дыхание. *Мышка*. Опять «мышка». Она замерла, боясь шелохнуться.

— Мышкина, — коротко ответил Котов. — Мария Мышкина. Обычная секретарша.

— Обычная? — Марко засмеялся, и в его смехе прозвучало неподдельное изумление. — Серджо, ты совсем ослеп со своими моделями? Ты её глаза видел? А губы? Ты вообще смотрел на неё?

Пауза. Маша прижала ладонь к груди — сердце застучало быстрее.

— Смотрю каждый день, — голос Котова прозвучал ровно, даже скучно. — Ничего особенного.

— Ничего особенного, — передразнил Марко. — Ну ты и дурак, друг мой. Ладно, не хочешь — не смотри. Скажи, она свободна? У неё есть кто-нибудь?

Ещё одна пауза. Более долгая.

— Не знаю, — наконец ответил Котов. И в его голосе Маше послышалась непривычная хрипотца.

— Я сам у неё спрошу, — жизнерадостно заявил Марко. — И, если что — приглашу в ресторан. Такие девушки, как она, не часто встречаются.

— Делай что хочешь, — ответил Котов. Слишком быстро и слишком безразлично. Маша выдохнула и поняла, что всё это время не дышала.

Марко интересуется мной? Серьёзно? Она провела рукой по лицу — линзы на месте, волосы распущены? Нет, пучок. Всё тот же дурацкий пучок. Но без очков Может, и правда что-то изменилось?

Она услышала, как в кабинете задвигали стулья, а потом разговор опять перешёл в деловое русло — проценты, поставки, сроки. Маша перевела дух и взяла себя в руки. Ничего особенного. Итальянцы все такие — галантные, улыбчивые. Просто вежливость. Просто флирт, который ничего не значит.

Через полчаса дверь кабинета открылась, и на пороге появились оба — Котов и Марко. Сергей Александрович был собран, деловит. Марко — расслаблен и улыбчив.

Они прошли через приёмную к выходу, но на полпути Марко остановился.

Повернулся к Маше и улыбнулся ещё шире.

— Скажите, Мария, — спросил он, слегка наклонив голову. — А ваше сердце свободно?

Маша опешила. Она ожидала чего угодно — «до свидания», «приятно было познакомиться», даже комплимента в стиле «у вас красивые глаза». Но прямого вопроса о сердце, сразу?

Она бросила быстрый взгляд на Котова. Тот стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди. Лицо — каменное. Глаза — ледяные.

Он такой же ловелас, — подумала Маша про Марко. — Как и его друг. Им всё равно, кого завоёвывать. Просто игра.

Но в глазах Марко светилось искреннее любопытство и симпатия. Самая настоящая.

И Маша вдруг решила: а почему бы и нет? Поддержать эту игру. Тем более что ей никогда молодые, красивые мужчины не говорили комплиментов. А этот итальянец смотрит на неё так, будто она не «пугало» и не «серое недоразумение», а нечто ценное.

— Моё сердце абсолютно свободно, — ответила она и даже улыбнулась. Уголками губ, скромно, но с намёком.

Марко просиял. Его лицо озарилось такой радостью, будто он только что выиграл в лотерею.

— Тогда, — сказал он, чуть понизив голос, — вы не хотели бы пойти со мной в ресторан? На выходных, например?

Маша на секунду задумалась. Выходные а у неё планы. Вернее, одно очень важное дело.

— На выходных, к сожалению, не смогу, — сказала она и выразительно посмотрела на Котова. Тот по-прежнему стоял с каменным лицом, но Маше показалось, что его скулы чуть заметно напряглись. — Мне нужно срочно обновить гардероб. Новое начальство, новый дресс-код, сами понимаете.

Она говорила это с лёгкой иронией, но Марко, кажется, не понял подтекста. Зато понял другое: отказ не окончательный.

— А на следующей неделе? — не отступал он. — Во вторник или среду?

Маша сделала вид, что задумалась. Хотя внутри уже всё пело. Её приглашает в ресторан. Красивый мужчина.

— Во вторник или в среду — с удовольствием, — ответила она.

Марко чуть не подпрыгнул на месте. Но сдержался — только шире улыбнулся и достал из кармана визитницу.

— Дайте мне ваш номер телефона, — попросил он. — Я на следующей неделе позвоню.

Маша быстро написала номер на листочке — аккуратным, каллиграфическим почерком, которому её научила ещё в начальной школе бабушка. Протянула Марко. Он взял листок, сложил и положил в нагрудный карман, ближе к сердцу.

— А вам моя визитка, — он дал ей карточку из плотного серого картона с тиснёным логотипом. — Там все мои контакты. Звоните, если что. Я серьёзно.

— Спасибо, — Маша взяла визитку и положила в органайзер.

— Тогда до скорого, Мария, — Марко взял её руку и поднёс к губам. Поцеловал кончики пальцев — легко, едва касаясь.

Маша почувствовала, как щёки заливают румянец. Она никогда не была в такой ситуации. Никогда.

— До свидания, — выдохнула она.

Марко отпустил её руку, кивнул и направился к выходу. Котов пошёл его провожать — до лифта, наверное.

Маша осталась одна. Посмотрела на свою руку — там, где губы итальянца коснулись пальцев кожа горела.

Она услышала, как закрылась дверь лифта, и через минуту в приёмную вернулся Котов. Он шёл быстро, не глядя на неё, и уже взялся за ручку двери своего кабинета.

Маша подняла голову и посмотрела ему в спину.

И в этот момент, он обернулся, и они встретились взглядом.

В его глазах горело пламя.

Живое, опасное пламя. Не ледяной огонь, который сверкал в первый день, а горячая ярость. Или что-то ещё, чему Маша боялась дать название.

Она замерла, приоткрыв рот.

Но Котов быстро взял себя в руки. Моргнул — и пламя погасло. Осталась только холодная, непроницаемая маска.

— Хорошо сработано, Мышкина, — бросил он и скрылся в кабинете.

Дверь за ним захлопнулась с громким щелчком.

Маша сидела, глядя на закрытую дверь, и не могла пошевелиться.

Что это было? Почему он так на неё посмотрел? Почему его взгляд обжёг её сильнее, чем поцелуй итальянца?

Она открыла ежедневник, опять посмотрела на эскиз мужского профиля.

— Нет, — сказала она вслух. — Нет, Маша, не смей. Он твой начальник. Он назвал тебя пугалом. Он ждёт не дожётся, когда сможет тебя уволить. А Марко Марко добрый, красивый, и он видит в тебе женщину.

Глава 8

Субботнее утро Маша встретила с чётким планом.

Она проснулась в восемь, выпила кофе, открыла ноутбук и принялась за изучение того, что раньше обходила стороной — женские блоги о красоте и моде.

«Как подобрать первые туфли на каблуке», «Макияж для начинающих за 10 минут», «База: 5 вещей, которые должны быть в косметичке каждой женщины» — заголовки сменяли друг друга, а Маша быстро конспектировала самое важное в блокнот.

— Так, — бормотала она, жуя тост. — Тональный крем должен совпадать с цветом кожи на шее. Тушь лучше водостойкую, чтобы не потекла. Для губ достаточно блеска или помады нейтрального оттенка. Всё, поняла. Справлюсь.

Она закрыла ноутбук и посмотрела на список, который составила накануне вечером:

1. Туфли на каблуке (2 пары)
2. Косметика (тоналка, тушь, помада, корректор)
3. Зеркальце (маленькое, в сумочку)

— А ещё — выдохнуть и не бояться, — добавила она мысленно.

В двенадцать Маша уже входила в торговый центр.

Она бывала здесь раньше, но всегда по делу — купить продукты в супермаркете на первом этаже или забежать в аптеку. Она никогда не бродила по бутикам, не примеряла туфли, не крутилась перед зеркалами. Бабушка называла это «пустой тратой времени и денег».

Торговый центр жил своей привычной субботней жизнью. По эскалаторам поднимались и спускались люди. Женщины с пакетами сияли от удовольствия. Дети визжали, вырываясь в игровые зоны. Мужчины покорно тащились следом с сумками в обеих руках, делая вид, что им не тяжело.

Маша остановилась у перил второго этажа и посмотрела вниз на это море счастливых лиц.

Почему я отказывала себе в таком удовольствии? — подумала она. — Зарплата у меня хорошая. Квартира от бабушки осталась — не надо платить за ипотеку. Зачем я коплю деньги, если потом всё равно не трачу их?

Ответ пришёл сразу — бабушкин голос в голове: *«Копи на чёрный день, Маша. Никогда не знаешь, что случится. Бережливость — это не скупость, это мудрость».*

Но на какой чёрный день? Ей двадцать три. Она здорова. У неё есть работа (пока есть). У неё есть мечты. И если не сейчас, то когда?

— Решено, — сказала Маша вслух. — Начну себя баловать Раз в месяц... Нет лучше два. Она улыбнулась и направилась в обувной отдел.

Первые три магазина разочаровали.

Туфли были либо слишком дешёвыми и неудобными, либо слишком вычурными — со стразами, бантами, неестественными платформами. Маша примеряла, крутилась перед зеркалом, качала головой и шла дальше.

К четвёртому магазину она уже начала уставать.

— Ну где же вы, мои идеальные туфли? — проворчала она, сворачивая в очередной бутик.

И тут она остановилась.

На витрине, на бархатной подставке, стояли чёрные лодочки. Никаких лишних деталей — лаконичный дизайн, изящный носок, тонкая шпилька высотой, наверное, сантиметров семь, благородный матовый блеск.

Маша подошла ближе и посмотрела на ценник.

— Ого, — выдохнула она.

Цена была выше, чем в предыдущих магазинах. Намного выше. За такие деньги можно было купить три пары обычных туфель.

Но они того стоили. Маша вошла.

— Девушка, — обратилась она к консультанту — стройной брюнетке в чёрной униформе. — Можно померить вот эти, с витрины? Тридцать седьмой размер.

— Одну минуту, — консультант улыбнулась и ушла на склад.

Маша осталась стоять у витрины, разглядывая другие модели. И тут в зеркале напротив она заметила знакомый силуэт.

Высокий, широкоплечий, в тёмно-синей куртке.

Сергей Александрович.

Он сидел на кушетке в углу магазина, ссутулившись и держа в руках телефон. Рядом с ним стояла Лена — в красном пальто, с идеальной укладкой — и примеряла туфли на платформе.

— Серёж, смотри, как красиво! — щебетала Лена, вытягивая ногу. — Мне очень идёт, правда?

— Угу, — буркнул Котов, не поднимая глаз от телефона.

Маша почувствовала, как к щекам приливает краска. *Только не это. Зачем я пришла именно в этот магазин?*

Её первой мыслью было развернуться и уйти. Быстро, пока он не заметил. Но потом она одёрнула себя. *Что за детский сад? Я имею полное право покупать туфли там, где хочу. И не буду прятаться от своего начальника в выходной день.*

Она выпрямила спину и осталась стоять у витрины.

Но Котов уже поднял голову. Его взгляд скользнул по залу, замер на её фигуре. Он слегка приподнял бровь, но удивления не показал. Вместо этого просто кивнул — коротко, едва заметно.

Маша кивнула в ответ. Ни улыбки, ни «здравствуйте». Просто молчаливое признание: *я тебя вижу, ты меня видишь, но мы оба притворяемся, что не знакомы.*

— Серёж, ты меня вообще слушаешь? — капризный голос Лены разорвал паузу. — Я говорю, туфли классные, давай возьмём.

— Если нравятся — покупаем, — ответил Котов снисходительно, даже не взглянув на туфли.

Маша невольно услышала этот разговор и подумала: *«Если нравятся — покупаем». Без обсуждения цены, без сомнений. Просто — да. Интересно, он всегда такой щедрый со своими женщинами? Или только с этой?*

Она не успела додумать, потому что из подсобки вышла консультант с коробкой.

— Ваш размер — сказала девушка, ставя коробки на пол.

Маша взяла коробки, села на свободную кушетку в другом конце зала и начала разуваться. Старые удобные туфли на плоской подошве — серые, потёртые, но такие родные. Она аккуратно стянула их и поставила рядом.

И тут краем глаза заметила, что Котов смотрит на неё.

Он сидел в своём углу, телефон лежал на коленях, а взгляд был устремлён на её ноги. На то, как она снимает свои старые туфли. На её пальцы, обтянутые простыми капроновыми колготками.

Маша почувствовала странное смущение. *Что он там разглядывает?* Она быстро отвернулась, взяла туфли и надела.

Они сели идеально. Нога не скользила, ничего не жало, не натирало. Маша осторожно встала. Оказалось, что ходить на каблуках не так страшно, как она думала. Да, центр тяжести немного сместился, но тело само нашло равновесие. Она сделала шаг, второй — и почувствовала, как выпрямляется спина, как поднимается грудь, как меняется походка.

Она подошла к зеркалу, повернулась, посмотрела на себя со стороны. Серое платье, тот же пучок, те же скромные серьги-гвоздики. Но ноги в этих туфлях выглядели совершенно иначе — длиннее, изящнее. И вся она казалась выше, стройнее.

Маша прошлась перед зеркалом — сначала медленно, потом быстрее. Каблук устойчивый, не шатается. Размер идеальный.

— Беру, — сказала она консультанту. — Отнесите их на кассу, пожалуйста.

— Хорошо, я пока отложу. — Девушка взяла коробку. — Может быть, посмотрите ещё что-то? У нас есть модель на низком каблуке, очень удобная для офиса.

— Да, покажите.

Консультант принесла туфли тёмно-бордового цвета — матовые, с таким же классическим силуэтом, но каблук ниже, сантиметра четыре. Маша примерила их — и сразу поняла: это то, что нужно. Под то самое бордовое платье, которое сошьют девочки в понедельник. И, когда она пойдёт в ресторан с Марко, она наденет именно их.

— Эти тоже беру, — решительно сказала Маша.

Она ещё раз прошлась перед зеркалом, любуясь отражением. Серое платье портило всю картину, но она знала: это ненадолго.

Когда Маша обернулась, чтобы идти на кассу, Котов со своей спутницей уже ушли.

— Повезло, — выдохнула Маша. Встреча с начальником в выходной — не самое приятное, что могло случиться.

На кассе её ждал приятный сюрприз.

— Акция, — улыбнулась девушка, пробивая чек. — При покупке двух пар — вторая в подарок. Так что вы платите только за чёрные, бордовые — бесплатно.

— Серьёзно? — Маша не поверила своим ушам.

— Абсолютно. Вот чек, вот ваши туфли. Приходите ещё!

Маша расплатилась, взяла два пакета и вышла из бутика с чувством лёгкого головокружения. *Две пары туфель. Дорогих, красивых, идеальных. И одна — бесплатно. Это невероятная удача.*

Следующим пунктом была косметика.

Маша зашла в большой магазин. Раньше она терялась здесь — столько баночек, тюбиков, кисточек, спонжей. Но сегодня она пришла с чётким планом.

— Лёгкий тональный крем («для естественного покрытия», как написано на упаковке) — Корректор («скрыть круги под глазами», решила Маша) — Тушь для ресниц (водостойкую, как советовали в блоге) — Помаду нейтрально-нюдового оттенка — Маленькое складное зеркальце в сумочку

Всё это богатство поместилось в один маленький пакет.

— Домой! — сказала Маша самой себе и направилась к выходу.

Вечером она сидела на кухне, пила чай с лимоном и рассматривала покупки. Туфли стояли на полу — чёрные и бордовые. Рядом — пакет с косметикой.

Маша чувствовала приятную усталость. Ноги гудели, но завтра она обязательно наденет их и будет ходить по квартире. Послезавтра понедельник, а во вторник, возможно, свидание с Марко.

— Ты молодец, — сказала она своему отражению в тёмном окне. — Ты справилась.

Она отпила чай и задумалась о сегодняшней встрече в магазине.

Котов видел, как она примеряет туфли. Видел её босые ноги. И в его взгляде было что-то странное, вызывающее лёгкую дрожь в пальцах.

Маша отогнала эту мысль.

— Неважно, — сказала она. — Это ничего не значит.

Она убрала туфли в коробки, косметику — на туалетный столик, который до сегодняшнего дня был пуст. Завтра она попробует накраситься. Посмотрит обучающие ролики ещё раз. Потренируется.

А потом — новая жизнь.

Маша легла спать, улыбаясь.

Впервые за долгое время она ждала понедельник с нетерпением.

Сергей Котов сидел в своей пустой квартире с бокалом виски и смотрел на телефон. На экране была фотография Мышкиной из досье — серая, неприметная, в очках.

Он смотрел на неё и думал о том, что без очков, она выглядела совсем иначе. А когда в магазине она встала и прошла в этих туфлях — чёрных, простых, элегантных — он на секунду забыл, как дышать. А, позже на кассе, не удержался и оплатил их ей. Попросил девушку консультанта придумать какую-нибудь правдоподобную историю

— Чёрт, — сказал он и отхлебнул виски. — Чёрт-чёрт-чёрт.

Глава 9

Воскресенье Маша посвятила тренировкам.

С утра она надела новые чёрные туфли и принялась ходить по квартире. От кухни до комнаты, от комнаты до ванной, от ванной обратно на кухню. С каждым шагом всё увереннее. К обеду она уже могла пройти из одного конца квартиры в другой, не глядя под ноги.

— Это не так сложно, — сказала она себе, делая десятый круг. — Главное — держать спину прямо и не смотреть в пол.

После обеда она принялась за макияж.

Первый блин вышел комом — тональный крем лёг полосами, тушь отпечаталась на верхнем веке. Маша смыла всё и начала заново. Второй раз получился лучше. Третий — почти как в обучающем видео.

— Главное — не переборщить, — бормотала она, водя кисточкой. — Немного тона, чуть-чуть румян, тушь, и помада. Всё.

Потом были причёски. Маша пересмотрела десяток видео и остановилась на трёх вариантах: стильный плетённый пучок, высокий хвост и распущенные волосы с лёгкими локонами.

К вечеру она чувствовала себя почти профессионалом.

Понедельник начался с небольшого подвига.

Маша встала на час раньше обычного. Душ, лёгкий завтрак, и — самое главное — подготовка к выходу.

Она надела белую блузку с воротничком-стойкой и длинными рукавами. В ней она ещё в восьмом классе сдавала выпускной экзамен по сольфеджио. Верхняя пуговица осталась расстёгнутой — не ради кокетства, а потому что блузка оказалась уже в груди, чем она ожидала. Снизу — чёрная юбка-карандаш, не новая, купленная пару лет назад в надежде, что когда-нибудь она всё же решится её надеть (ещё раз мысленно поблагодарила Котова за его приказ).

И конечно новые чёрные лодочки.

Макияж — лёгкий, почти незаметный, глаза стали выразительнее, а губы — свежее.

Причёска — высокий хвост: гладко зачёсанные волосы, без единого выбившегося локона.

Маша посмотрела на себя в большое зеркало в прихожей и замерла.

На неё смотрела совсем не серая мышь. Не пугало, а обычная, симпатичная, ухоженная девушка. Таких тысячи в любом офисе. Но для Маши это был огромный шаг.

— Даже без новых платьев уже лучше, — прошептала она. — Гораздо лучше.

Она улыбнулась своему отражению, взяла сумку и вышла из дома.

В офис она приехала к восьми утра — на час раньше начала рабочего дня.

В здании было тихо. Охранник на входе удивлённо посмотрел на неё, но ничего не сказал. Маша поднялась на свой этаж, прошла в приёмную, бросила сумку на стул и сразу направилась в цех.

Людмила Ивановна уже ждала её у небольшой примерочной кабинки за швейными машинками, где обычно примеряли образцы.

— Машенька! — воскликнула она. — А ты сегодня другая!

— Перегружалась на выходных, — Маша смущённо улыбнулась. — Ну что, показывайте, что у вас получилось.

Людмила Ивановна достала из чехла два готовых изделия — бордовое платье и тёмно-синий костюм.

— Смотри, — сказала она, разворачивая платье. — Мы немного изменили вытачки, чтобы лучше по фигуре сели. И длину чуть укоротили — будет ровно по колено. Примеряй.

Маша сняла блузку и юбку, оставшись в белье. Людмила Ивановна помогла ей надеть платье.

— Давай застегну, — она повернула её спиной, застегнула молнию и Маша посмотрелась в зеркало.

— Ох, — выдохнула она.

Платье сидело идеально. Тёмно-бордовое, цвета вина, с открытыми плечами и длиной чуть выше колена. Ткань струилась, подчёркивая талию, бёдра, грудь. Маша не узнавала себя.

— Это я? — спросила она.

— Ты, ты, — Людмила Ивановна довольно кивнула. — А теперь костюм примерь.

Костюм оказался не менее удачным. Тёмно-синий, почти чёрный, с юбкой-миди и жакетом с открытым ассиметричным вырезом. Жакет сидел как влитой — ни складочек, ни натяжения.

Маша повернулась перед зеркалом, прошла туда-обратно. Каблуки не подвели — она двигалась уверенно, почти грациозно.

— Людмила Ивановна, это чудо, — сказала она. — Спасибо вам огромное.

— Не мне, ты себе спасибо скажи. Талант у тебя, Маша. И фигура идеальная. А мы просто помогли немножко.

Она задумалась, а потом добавила:

— Знаешь, у нас тут новость. Слухами земля полнится.

— Какая? — спросила Маша, переодеваясь обратно в блузку и юбку.

— Котов объявил, что ищет нового дизайнера. В компанию. Для мужской линии, но и для женской тоже, говорят, будет расширение производства. — Людмила Ивановна понизила голос. — Конкурс объявили. Можно подать портфолио, резюме. А твои эскизы, Маша, — она выразительно посмотрела, — лучше того, что я видела у некоторых профи.

Маша замерла с жакетом в руке.

— Серьёзно?

— Абсолютно. Объявление уже на сайте компании вывесили, и Игорь, помощник его, рассылал по внутренней почте. Ты не видела?

— Я на выходных не смотрела почту, — растерянно сказала Маша.

— Зайди. И подай заявку. — Людмила Ивановна говорила так, будто речь шла о чашке чая. — Что ты теряешь? Попытка не пытка. А тут такой шанс.

— Но я не училась на дизайнера, — возразила Маша. — У меня нет диплома. Меня даже не допустят до собеседования.

— А ты прочитай объявление. Там написано: «Рассматриваются кандидаты как с профильным образованием, так и с ярким портфолио и опытом работы в индустрии». Опыт у тебя есть — ты пять лет на производстве, знаешь всё от и до. А портфолио — твои эскизы. Они прекрасны.

Маша молчала. Внутри боролись два чувства: страх и азарт. Страх был старым, знакомым — бабушкин голос шептал: *«Не высовывайся, Маша. Мечты — это для богатых»*. А азарт — новый, яркий, подогретый словами Котова и её собственными победами за эти дни.

— Я подумаю, — сказала она наконец.

— Подумай, — Людмила Ивановна кивнула. — Но недолго. Приём заявок — до пятницы.

Маша взяла готовые вещи, упакованные в чехлы, чтобы не помялись — и поблагодарила ещё раз.

— Завтра-послезавтра заберёшь остальное? — спросила Людмила Ивановна.

— Да. Вы закончите?

— Постараемся.

Маша вышла из цеха с чехлами в руках, чувствуя, как внутри поднимается волна счастья. Новые вещи. Новый образ. И — быть может — новые возможности.

В приёмную она вошла ровно в девять. Положила чехлы на свободный стул, села за стол, включила компьютер.

Первым делом открыла внутреннюю почту.

Тема: «Вакансия дизайнера одежды. Приём заявок до пятницы».

Маша прочитала объявление три раза. Потом открыла папку со своими эскизами. На флешке у неё хранились сотни файлов, накопленных за годы. Платья, костюмы, пальто, блузы. Женская линия, детская, даже несколько мужских моделей, которые она рисовала просто для интереса.

«Ты можешь попробовать», — сказала она себе. — «Худшее, что случится — тебе откажут. Лучшее — ты получишь работу мечты».

И с решительным видом начала составлять письмо.

Ровно в девять пятнадцать дверь кабинета открылась, и на пороге появился Котов.

Он был в тёмно-сером костюме, свежий, выбритый, пахнувший дорогим парфюмом. Взгляд его скользнул по приёмной — и остановился на Маше.

Она подняла голову.

— Доброе утро, Сергей Александрович, — сказала она ровным голосом.

Он смотрел на неё несколько секунд, но так и не сказав ни слова, кивнул — коротко, как в магазине — и скрылся в кабинете.

Маша выдохнула. Она не ждала комплиментов. Но и равнодушие не обидело. Она делала это для себя. Не для него.

В кабинете Котов сел в кресло, откинулся на спинку и закрыл глаза.

Белая блузка. Чёрная юбка. Волосы, убранные в хвост. Тонкая шея. Идеальная грудь.

Она была красивой.

Он не хотел этого признавать. Не хотел замечать. Но она была красивой. Даже без новых платьев она преобразилась. И он, чёрт возьми, заметил это сразу.

— Мышкина, — позвал он.

— Да? — голос из приёмной.

— Кофе.

— Сейчас сделаю.

Она вошла через минуту, поставила чашку на стол. Глаза смотрели на него спокойно.

— Вы сегодня рано, — заметил Котов.

— Были дела до работы, — коротко ответила Маша.

— Какие?

— Личные, — отрезала она. — Разрешите идти?

Он хотел спросить ещё что-то, но передумал. Кивнул.

Маша вышла, закрыв за собой дверь.

Котов сделал глоток кофе и понял, что улыбается.

— Личные дела, — повторил он вслух. — Ну-ну.

Он взял телефон и набрал сообщение Игорю: *«Принеси мне список кандидатов на вакансию дизайнера. Уже есть кто-то из внутренних?»*

Игорь ответил через минуту: *«Пока три внешних кандидата. Из внутренних — никто не подавал».*

Глава 10

Вечером, вернувшись домой, Маша села за ноутбук и открыла письмо, которое набросала днём.

Она смотрела на текст уже минут десять, перечитывая каждое слово. Всё было правильно: краткое резюме, перечисление навыков, приложенные файлы с эскизами. Но одно её смущало.

Имя.

«Мария Мышкина» — слишком узнаваемо. В компании её знали как секретаршу Смелова, тихую и незаметную. Если она не пройдёт конкурс — а вероятность была высока, ведь у неё нет профильного образования, — то все узнают. И будут снисходительно улыбаться: *«Ах, эта Мышкина, ну конечно, куда ей в дизайнеры»*.

Маша закусила губу. Она не хотела быть посмешищем. Не хотела, чтобы кто-то — особенно Котов — смотрел на неё с жалостью.

— Псевдоним, — сказала она вслух. — Нужен псевдоним.

Мысли заметались. Что-то женственное, красивое, запоминающееся. Не слишком вычурное, но и не скучное.

Мери. Мери Грей.

Имя её же, только международный вариант, понятный везде. А Грей ну, серый цвет по-английски. Отсылка к её фамилии, не прямая. Ирония, которую вряд ли заметят.

— Мери Грей, — повторила Маша. — Звучит загадочно.

Она быстро исправила имя в письме, проверила ещё раз все вложения и нажала «Отправить».

Письмо ушло в отдел кадров.

Маша выдохнула и закрыла ноутбук.

В этот момент зазвонил телефон. Незнакомый номер.

— Алло?

— Синьорина Мария? — голос Марко, тёплый и чуть хрипловатый. — Добрый вечер. Не ожидали?

— Добрый вечер, Марко, — Маша улыбнулась. Честно говоря, она думала, что он забудет или передумает. — Приятно слышать.

— Я помню о нашем разговоре. Вы сказали, что на выходных заняты, а на этой неделе будете свободны. Как насчёт завтра? Я знаю одно место — новый итальянский ресторан, открылся в прошлом месяце. Шеф-повар — мой старый друг из Милана. Готовит так, что пальчики оближешь.

Маша почувствовала, как внутри разливается тепло. Её приглашает настоящий мужчина. В настоящий ресторан.

— С удовольствием, — ответила она.

— Отлично! Я заеду за вами завтра в шесть. Можно к офису? Или лучше к дому?

— К офису, — быстро сказала Маша. Она пока не была готова показывать свою скромную квартиру. — Я буду вас ждать.

— Договорились. Завтра увидимся, Мария. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Марко.

Она положила трубку и прижала телефон к груди.

Завтра. Ресторан. Новое платье.

— Господи, — прошептала Маша. — Что со мной происходит?

Вторник начался с лёгкого мандража.

Маша встала в шесть утра — на два часа раньше обычного. Душ, лёгкий завтрак, который едва лез в горло. Потом — макияж. Сегодня она делала его особенно тщательно.

Платье.

Маша достала его из чехла и повесила на дверцу шкафа. Погладила ткань — мягкий, приятный на ощупь материал.

— Надевай, — сказала она себе. — Не бойся.

Молния застегнулась легко, ткань облепила тело как вторая кожа. Маша подошла к зеркалу.

Отражение захватило дух.

Платье подчёркивало всё: тонкую талию, округлые бёдра, красивую линию декольте. Открытые плечи придавали образу женственности, а длина чуть выше колена — игривости.

— Это я? — спросила Маша у зеркала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.